

Лилия Подгайская

Таинственная комната

*Герцогство Швабия,
Констанц,
лето 910 года*

1

Граф Эберхард, владелец большого и крепкого замка Зонгфайн вблизи Боденского озера, на его южном берегу, стоял перед входом в епископский дворец в Констанце. Он сумел получить аудиенцию у Его Светлости епископа Соломона, но в последнюю минуту утратил уверенность, что поступает правильно. Сможет ли духовное лицо, пусть даже и глава епархии, помочь ему в таком сложном деле, крайне, жизненно для него важном. Но потом вспомнил, что говорил ему недавно монах из аббатства Санкт-Галлен, и отбросил сомнения прочь. Он велел сопровождавшим его воинам ждать на площади перед входом, и ступил под своды высокой галереи, ведущей в покои епископа.

Его Преосвященство принял посетителя в

большом светлом зале с широкими арочными окнами. Он восседал в удобном кресле, похожем на королевский трон, холёные белые руки его спокойно лежали на подлокотниках, украшенных оскаленными львиными головами. Проницательные глаза прелата внимательно смотрели не посетителя из-под густых тёмных бровей, и казалось, что он видит его насквозь, до самого доньшка.

Епископ кивнул головой, позволив посетителю приблизиться, и граф, опустившись на колени, благоговейно поцеловал огромный перстень на его руке, символ духовной власти.

— Что привело тебя ко мне, граф? — прозвучал негромкий, но отчётливый голос хозяина дворца. — Я не знаю тебя и никогда не видел ранее.

Граф поднялся на ноги и встал перед епископом в почтительной позе просителя.

— Да, Ваша Светлость, я не обращался к вам прежде и даже никогда не был в Констанце, но сейчас меня привели к вашему престолу крайняя нужда и великое горе.

— Говори, граф, я слушаю тебя.

Граф Эберхард переступил с ноги на ногу, вздохнул и начал:

— Не сочтите меня неучтивым, Ваше Преосвященство, но я начну издалека. Два месяца назад в мой замок Зонгфайн, что лежит почти на полпути между Санкт-Галленом и Констанцем,

явился граф Гунтар из замка Альпенвиль. Он сватался к моей дочери Лиутгарде, но получил отказ. Я был удивлён тем, что моя дочь, всегда такая спокойная и рассудительная, страшно разволновалась, увидев графа, побледнела и не смогла скрыть дрожь. Но держалась она в высшей степени учтиво и сослалась на то, что уже сосватана за своего дальнего родственника Рихарда из Тургау. Я был крайне удивлён её словами, поскольку они не соответствовали действительности, но не стал опровергать их при постороннем человеке. Потом уже дочь объяснила мне, что её очень напугал визит графа Гунтара, о нём говорят страшные вещи. А молодой Рихард действительно признался ей в своих чувствах и обещал вскоре приехать, чтобы просить её руки.

Граф Гунтар выслушал мою дочь с каменным лицом, но в глазах его загорелся злой огонёк. Он поспешно покинул мой замок, отклонив приглашение к обеду. Уходя, он метнул на Лиутгарду взгляд, который показался мне зловещим. Но в последующие дни всё было спокойно, и я перестал думать об этом, занятый срочными делами.

Граф снова переступил с ноги на ногу и тяжело вздохнул.

— А месяц спустя, — продолжил он глухим голосом, — до нас дошли вести, что молодой

Рихард из Тургау внезапно скончался — погиб на охоте от случайной стрелы. Услышав эту новость, Лиутгарда упала без чувств и долго не могла прийти в себя. А когда очнулась, стала не похожа сама на себя. Она всего пугалась, вздрагивала от каждого звука и наотрез отказывалась выходить за стены замка. Но два дня назад, поздним утром, она пошла со своей старой няней в сад, чтобы набрать свежих трав для приготовления целительного бальзама, и не вернулась. Посланные мною слуги нашли возле грядок с целебными травами только тело несчастной няни со сломанной шеей. Стражники клялись, что не видели ничего подозрительного. Однако пастушонок Идберт, очень смышлённый мальчуган, утверждает, что в течение нескольких последних дней замечал в окрестностях замка вооружённых мужчин с эмблемами графа Гунтара, прячущихся среди соседних холмов. А моя единственная дочь Лиутгарда, радость моего сердца, исчезла без следа.

Голос графа дрогнул, и он крепко зажмурился, сжав кулаки так, что косточки побелели.

В глазах прелата появилось сочувствие.

— Я понимаю твоё горе, граф, — проговорил он, — но скажи, почему ты не обратился за правосудием к герцогу Бурхарду, своему сюзерену, а пришёл ко мне?

Граф Эберхард несколько смутился, но потом

решил говорить всё, как есть, — перед ним было высокое духовное лицо, и не сказать ему правды было равносильно тому, чтобы солгать Богу.

— Я не доверяю справедливости герцогского суда, Ваша Светлость. Граф Гунтар — один из самых могущественных приверженцев герцога Бурхарда и замок его находится в Цюрихгау, где ландграфом младший сын герцога Удальрих. И потом ...

Несчастный отец замялся, но слова епископа подбодрили его:

— Ты можешь говорить смело всё, что у тебя на душе, граф, мы здесь одни.

— Да, Ваше Преосвященство. Через два или три дня после полученного нами горестного известия, в моём замке появился бенедиктинский монах, он сказал, что следует из аббатства Санкт-Галлен в Констанц. Погода испортилась, пошёл дождь, и было похоже, что к ночи разразится гроза. Видя это, я предложил брату монаху своё гостеприимство на время, пока погода не позволит ему продолжить путь. Остановившись в моём замке, разговорчивый монах рассказал мне много интересного о своём монастыре. Он и сказал мне, когда я поведал ему о своих тревогах, что в случае чего лучше всего искать справедливости в епископском суде, поскольку вы, Ваша Светлость,

человек строгий, но справедливый. И я решился, — граф опустил взгляд, боясь увидеть недовольство на лице прелата.

При последних словах посетителя епископ заметно напрягся.

— А ты не припомнишь, граф, как было имя этого монаха из Санкт-Галлена?

Граф Эберхард поднял удивлённые глаза:

— Помню, Ваше Преосвященство. Он назвался братом Зигфильдом.

Теперь Его Светлость епископ Соломон опустил взгляд и надолго задумался. Потом заговорил вновь.

— Твоё дело действительно непростое, граф Эберхард, и ты правильно сделал, что обратился ко мне. Ты не можешь выдвинуть обвинение против графа Гунтара, оно достаточно серьёзно, но бездоказательно. И я пока ничего не могу ответить тебе. Но приходи сюда снова ровно через неделю, и я дам тебе ответ, что можно сделать в твоих обстоятельствах.

— О! Благодарю вас, Ваша Светлость, благодарю!

Граф низко склонился перед прелатом, снова поцеловал епископский перстень и удалился из зала. А Его Преосвященство надолго задумался, устремив взгляд на далёкие облака и время от

времени шевеля губами.

Прошло не менее часа, прежде чем Его Светлость вышел из глубокой задумчивости и, вызвав слугу, велел привести к нему брата Бенед, что находился сейчас в Церкви Девы Марии, рядом с епископским дворцом. Брат Бенед явился очень быстро.

— Я весь к вашим услугам, Монсеньор, — почтительно, но без подобострастия проговорил он, — вы меня звали?

— Да, брат Бенед, — отозвался прелат. — Кажется, нам с тобой предстоит новое дело, и нелёгкое, пожалуй. Скажи, что тебе удалось выяснить о пропавшем брате Зигфильде?

— Пока ничего, Монсеньор, никаких следов, — брат Бенед удручённо покачал головой.

Его Преосвященство снова задумался ненадолго.

— Похоже, случай подбрасывает нам ниточку, за которую можно ухватиться, — оживившись, продолжил он. — Брата Зигфильда видели около месяца назад в замке Зонгфайн, что по пути сюда от Санкт-Галлена. Граф Эберхард, владелец замка, даже говорил с ним и получил совет обратиться в епископский суд в связи со сложным делом, которое так взволновало самого графа и особенно его дочь.

И Его Светлость поведал своему верному помощнику в сложных и не всегда понятных делах то, что рассказал ему несчастный отец, лишившийся единственной и горячо любимой дочери.

— Теперь, думаю, тебе надо переместить свои поиски в этом направлении, брат Бенед, и ещё узнать всё, что можно о графе Гунтаре из Цюрихгау. Всё, ты понял меня? Всё, что только возможно.

Маленький тщедушный монах почтительно склонил голову, принимая задание, и отправился, как обычно, сразу же выполнять его. А Его Преосвященство удовлетворённо вздохнул. Он передал это непонятное дело в надёжные руки и мог спокойно дожидаться ответа. Брат Бенед никогда ещё не подводил его. У этого человека был удивительный, почти сверхъестественный нюх на разного рода сложные и даже таинственные дела, и он много раз помог своему епископу установить истину и наказать виновных. Теперь со спокойной душой можно заняться другими делами, коих всегда много у высокого духовного лица, несущего ответственность за такую огромную территорию, как его епископство Констанцское, благополучно процветающее уже более трёх веков.

Брат Бенед появился перед епископом Соломоном к концу шестого дня после получения задания. Вид у него был до крайности утомлённый, но в глазах светилось удовлетворение. И Его Преосвященство понял, что ему будет, что услышать.

— Рад тебя видеть, брат Бенед, — приветливо проговорил он, — судя по твоему виду, ты раздобыл-таки интересующие нас сведения.

— Не только сведения, Монсеньор, — отозвался монах, — я нашёл тело несчастного брата Зигфильда. Судя по всему, его жестоко пытали перед тем, как убить. Но не могу взять в толк, что хотели выведать убийцы у обычного монаха, бредущего по дороге.

Его Преосвященство не мог согласиться с этим. У скромного монаха из Санкт-Галлена, обители, где он сам был настоятелем, могла быть ценная информация для епископа Констанца. Но что? Очередное предупреждение? Теперь уж этого не узнать. Хотелось только верить, что несчастный монах, заплативший жизнью за причастность к некоторым тайнам, не раскрыл убийцам доверенного ему секрета. Очень хотелось верить в это, иначе дела могут повернуться в край плохо. Нужно будет безотлагательно отправить в

аббатство весточку, что гонец не добрался до цели, будучи убит по дороге. Они знают, что делать.

— Это очень прискорбно, брат Бенед, — сказал на это Его Светлость, перекрестившись и прочтя короткую молитву об упокоении души брата Зигфильда, — но ты узнал не только это, как я понимаю. Что ещё?

— А то, что я узнал сверх того, Монсеньор, кажется мне просто устрашающе мрачным.

— ? — поднял бровь прелат.

— Вокруг графа Гунтара ходят непонятные и крайне неприятные разговоры, когда удаётся задать правильный вопрос в нужном месте. Говорят, что он был женат уже трижды. При этом все три его жены не протянули и двух лет рядом со своим супругом. И все три умерли в результате несчастного случая. Одна свалилась с лестницы, сломав шею, другая угодила в волчью яму на охоте, а третья утонула в пруду, что возле замка Альпенвиль. И что самое интересное, незадолго до свадьбы все три невесты потеряли по разным причинам своих родственников мужского пола, могущих стать наследниками, а несчастные отцы погибших женщин тоже отдали Богу душу вскорости, как говорил своим приближённым сам граф, — от горя. Таким образом, в руках владельца Альпенвиля оказались ещё три прекрасных замка, которыми он теперь распоряжается. Но этого ему,

по-видимому, не кажется достаточно.

Епископ Соломон внимательно слушал рассказ своего доверенного помощника и только диву давался. Это же надо! Под самым носом у герцога Швабии творятся такие незаконные дела, а он ничего не знает? Не может того быть. Скорее всего, не хочет знать. И в этом случае кое-что проясняется и в отношении погибшего монаха. Значит, герцог желает взлететь выше некуда, пользуясь тем, что король Людовик ещё не вошёл в силу. А этого, скорей всего, и не случится при его слабом здоровье. Матушку короля, Оду Франконскую, герцог, по-видимому, в расчёт не принимает, и это его большая ошибка — королева-мать женщина умная и бдительно оберегает интересы сына. И к тому же они, трое самых могущественных советников малолетнего монарха, лица духовного звания — он сам, архиепископ Майнца Хатто и епископ Аугсбурга Адальберон — стоят на страже королевского трона. И если Людовик не справится, то самым правильным будет короновать сильного мужчину, способного придавить зарвавшегося герцога. Поэтому взгляды их устремляются в сторону Конрада из Франконии. Но об этом он не мог сказать никому, даже своему верному дознавателю и помощнику. Тайна была слишком опасна.

— Но это ещё не всё, Монсеньор, — прервал

размышления прелата голос монаха, — не далее как три недели назад граф снова женился. На этот раз его супругой стала госпожа Регелинда, восемнадцатилетняя дочь графа Бертольфа из Цюрихгау, владеющего хорошим замком и не имеющего наследников мужского пола. Сам граф стар и очень болен. Так что, можно предположить, что в замке Альпенвиль вскоре произойдёт новый несчастный случай, и молодая графиня весьма быстро покончит счёты с жизнью. И в таких обстоятельствах похищение госпожи Лиутгарды становится вполне допустимым, что ставит под угрозу жизнь её самой и графа Эберхарда.

Монах замолчал и перевёл дух.

— Это, конечно, только предположения, Монсеньор, а доказательства надо добывать, и это будет нелегко.

— Добудь их, брат Бенед, — тихо проговорил епископ, — добудь, и это откроет дорогу для многих важных дел, всё время встречающих препятствия на своём пути. Это клубок, который следует размотать как можно скорее. И ты это умеешь, как никто другой.

А упомянутый в разговоре прелата и его доверенного помощника граф Эберхард снова держал путь из своего замка в Констанц. Расстояние было не так и велико, но приходилось делать объезд вокруг Нижнего озера, и это

удлиняло дорогу. Сам епископский город стоял на берегу Верхнего озера, там, где из него берёт истоки могучий Рейн. Опоздать к назначенному часу было недопустимо, и отряд без усталости погонял коней.

Когда в оговоренное время граф Эберхард снова предстал перед епископом Соломоном, в зале присутствовал ещё один человек — невзрачного вида монах в чёрной рясе.

Его Преосвященство встретил графа более приветливо, чем в первый раз.

— Твои подозрения оказались не беспочвенными, граф Эберхард, — заявил ему прелат после приветствия, — хотя доказательствами мы по-прежнему не располагаем. Но теперь понятно, где и как их надо искать. А сейчас выслушай всё то, что имеет тебе сказать брат Бенед, мой помощник, которому я всецело доверяю.

И маленький тщедушный монах с удивительно умными и проницательными глазами поведал графу то, что можно было раскрыть не посвящённому в некоторые тайны человеку.

— Теперь моя главная задача, Ваша Светлость, заключается в том, чтобы найти вашу пропавшую дочь и вернуть её в отчий дом. И начать я намерен с вашего замка, где и произошло похищение.